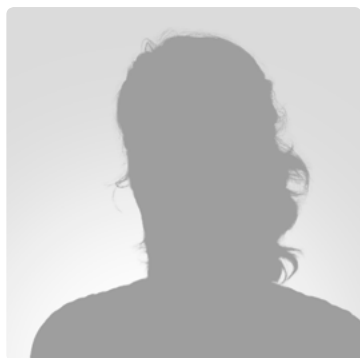

Представления о старости и смысложизненные ориентации у лиц, прибегающих к различным типам антивозрастных косметологических процедур

Старостина Елена Евгеньевна

Студентка института психолого-социальной работы (направление «Клиническая психология») ФГАОУ ВО ПМГМУ имени И.М. Сеченова Минздрава России (Сеченовский Университет), Москва, Российская Федерация

e-mail: elstars71@gmail.com

ORCID ID: 0009-0009-1653-3972

Шалина Ольга Сергеевна

Кандидат психологических наук, доцент кафедры педагогики и медицинской психологии института психолого-социальной работы ФГАОУ ВО ПМГМУ имени И.М. Сеченова Минздрава России (Сеченовский Университет), Москва, Российская Федерация

e-mail: shalinaya@yandex.ru

SPIN-код РИНЦ: 6131-7790

ORCID ID: 0000-0002-6800-5743

Котельникова Анастасия Владимировна

Доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры педагогики и медицинской психологии института психолого-социальной работы ФГАОУ ВО ПМГМУ имени И.М. Сеченова Минздрава России (Сеченовский Университет), Москва, Российская Федерация

e-mail: kotelnikova_a_v@staff.sechenov.ru

SPIN-код РИНЦ: 7493-6708

ORCID ID: 0000-0002-9605-557X

Гришина Екатерина Геннадьевна

Кандидат психологических наук, медицинский психолог ГБУ СРЦ имени В.Г. Михайлова Департамента труда и социальной защиты населения гор. Москвы, Москва, Российская Федерация

e-mail: egrishina2009@yandex.ru

SPIN-код РИНЦ: 2281-4519

ORCID ID: 0009-0001-7312-0703

Аннотация

В статье представлены результаты эмпирического исследования особенностей представлений о старости и смысложизненных ориентаций у лиц зрелого возраста, использующих различные типы антивозрастных косметологических процедур. В качестве методов исследования использовались авторская анкета, направленная на сбор социально-биографических данных, а также на уяснение субъективного отношения к возрастным изменениям, «Семантический дифференциал старости», с помощью которого оценивалась семантика отношения к различным возрастным этапам, и опросник «Смысложизненные ориентации». На выборке из 57 человек в возрасте 25-65 лет показано, что выбор типа процедур (топические, малоинвазивные, хирургические) связан с различными паттернами психологического функционирования в контексте переживания возрастных изменений. Установлено, что увеличение инвазивности процедур коррелирует с негативизацией представлений о старости, снижением осмысленности текущего жизненного процесса и диссоциацией временной перспективы. Расширены представления о психологических особенностях лиц, прибегающих к различным антивозрастным процедурам. Полученные результаты могут быть использованы при составлении программ психологического сопровождения пациентов, обращающихся в клиники пластической хирургии и эстетической косметологии.

Ключевые слова

• старость, социальные представления • смысложизненные ориентации • антивозрастные косметологические процедуры • временная перспектива • психологическая адаптация • эйджизм •

Введение

Современное общество характеризуется двумя мощными и зачастую противоречивыми тенденциями: неуклонным увеличением продолжительности жизни (демографическим старением) и культом молодости, активно поддерживаемым рекламой.

По данным Всемирной организации здравоохранения, к 2050 г. доля населения мира в возрасте 60 лет и старше почти удвоится – с 12% до 22%, что составит более 2 миллиардов человек, при этом число людей в возрасте 80 лет и старше вырастет втрое¹. Этот глобальный тренд «старения населения» ставит перед обществом и отдельными индивидами новые психологические и социальные вызовы.

Одновременно с этим, как отмечают исследователи [11], уже довольно давно через медиа-репрезентации и рекламу (особенно beauty-индустрии) интенсивно тиражируется культ молодости, который формирует социальные ожидания, связывающие ценность человека с его внешней молодостью. Этот дискурс часто содержит элементы эйджизма – дискриминации по возрастному признаку, представляя старение как процесс упадка и потери привлекательности [9; 12].

¹ Decade of healthy ageing: baseline report. URL: <https://www.who.int/publications/i/item/9789240017900> (дата обращения: 05.07.2025).

В этом напряженном контексте феномен старости приобретает особую психологическую значимость для каждого человека. Отношение к собственному старению и формирующиеся представления о старости становятся критически важным фактором психологического благополучия, адаптации и качества жизни в зрелом и пожилом возрасте. Современные исследования подтверждают, что позитивное восприятие старения является залогом высокого качества жизни в позднем возрасте [6]. Важную роль в этом процессе как показывают исследования, играет социальный контекст: прочные социальные связи и активная интеграция в общественную жизнь существенно повышают качество жизни пожилых людей [10]. В противоположность этому негативные стереотипы старения и непринятие собственного старения связаны с более высоким уровнем стресса, депрессивной симптоматикой, снижением когнитивных функций и даже сокращением продолжительности жизни. При этом особенно значима связь негативного восприятия старения с риском развития депрессий позднего возраста [2].

Антивозрастные косметологические процедуры (АКП), направленные на коррекцию видимых признаков старения, к настоящему моменту превратились поистине в массовое явление. К ключевым социокультурным детерминантам распространения таких процедур относится, прежде всего, интенсификация культа молодости в условиях глобализированного медиа-пространства и индустрии красоты, многократно усиливающего давление эйджистских стереотипов [9; 11].

Современный спектр предлагаемых методов АКП крайне широк и варьируется от поверхностного воздействия до глубокого вмешательства. В настоящее время сформировалась трехуровневая типология: топические средства (косметовитики с ретинолом, пептидами), малоинвазивные процедуры (инъекционные и аппаратные методики) и пластическая хирургия. Использование всех этих методов уже не является прерогативой узких социальных групп или представителей определенных профессий, при этом мотивация обращения к таким процедурам может быть чрезвычайно разнообразной: от стремления соответствовать профессиональным стандартам до глубоких личностных страхов, связанных со старением и смертью [1].

Проблема исследования заключается в недостаточной изученности того, как субъективные представления о старости связаны с практикой использования антивозрастных косметологических процедур. Существует ли специфика в восприятии старости у людей, активно борющихся с ее внешними проявлениями, по сравнению с теми, кто этого не делает? Как эти представления соотносятся с актуальным состоянием смысловой сферы личности и особенностями восприятия собственного жизненного пути? Понимание этих взаимосвязей имеет ключевое значение для клинической психологии в контексте оказания психологической помощи людям, переживающим возрастные кризисы, сталкивающимся с проблемами принятия собственного старения или демонстрирующим дисфункциональные паттерны поведения, связанные с внешностью.

Таким образом, цель настоящей статьи — выявить и описать особенности представлений о старости и смысло-жизненных ориентаций у лиц, регулярно прибегающих к разным типам антивозрастных косметологических процедур.

В исследовании мы исходили из предположения, что выбор типа антивозрастных процедур зависит от представления человека о старости, а также от самовосприятия в процессе возрастных изменений, самооценки и принятия старения.

Методы и выборка исследования

Дизайн исследования — сравнительный кросс-секционный. Выборку составили 57 человек в возрасте 25–65 лет ($M=45,7 \pm 10,6$). Все респонденты являются гражданами Российской Федерации, активно ухаживают за сво-

ей внешностью и используют антивозрастные косметологические процедуры.

При отборе участников исследования по возрасту мы опирались на теоретические положения Э. Эриксона о психосоциальном развитии [8], подчеркивавшего, что период с 25 до 65 лет охватывает этапы зрелости, центральными конфликтами которых являются «интимность / изоляция» и «продуктивность / застой», а это делает особенно актуальными вопросы самоидентичности, продуктивности и, как следствие, восприятия старения и возрастных изменений.

Выборка включала 48 женщин и 9 мужчин. Анализ профессиональной принадлежности респондентов показал, что значительная часть выборки (24 человека) была занята в сферах, где внешний облик и презентация зачастую имеют повышенное значение и могут влиять на профессиональную успешность: бизнес-сфера (11 человек), сфера услуг (13 человек), культура и искусство (4 человека), профессиональный спорт (2 человека). Это позволяет предположить, что профессиональный контекст мог выступать одним из факторов, формирующих отношение к возрастным изменениям и практикам их коррекции.

Участники были разделены на три подгруппы по типу предпочитаемых антивозрастных косметологических процедур:

- подгруппа «Топика» (n=16) — лица, регулярно использующие так называемые топические космецевтики с доказанными антивозрастными компонентами, такими как ретинол (и его аналоги), пептиды, антиоксиданты и кислоты в форме сывороток, кремов и эссенций;
- подгруппа «Малоинвазивные процедуры» (n=28) — лица, имеющие опыт прохождения инъекционных (ботулинотерапия, контурная пластика филлерами на основе гиалуроновой кислоты, биоревитализация) и / или аппаратных методик (лазерные шлифовки, RF-лифтинг, фотоомоложение);
- подгруппа «Хирургия» (n=13) — лица, имеющие опыт проведения пластических хирургических операций, направленных на коррекцию возрастных изменений, таких как блефаропластика, фейслифтинг и круговая подтяжка лица.

Все участники были проинформированы о целях исследования, гарантиях конфиденциальности и анонимности их данных, а также о своем праве отказаться от участия на любом этапе. Диагностика проводилась после получения информированного согласия в письменной или электронной форме.

Группы были статистически сопоставимы по полу, возрасту и уровню образования ($p > 0,05$), что позволяет исключить влияние этих переменных на межгрупповые различия.

Для сбора эмпирических данных использовался комплекс диагностического инструментария.

Авторская анкета, разработанная для реализации цели исследования, включала следующие блоки вопросов: социально-демографические данные (пол, возраст, сфера занятости); практика использования АКП (тип, регулярность); мотивация обращения к косметологическим услугам (открытый и закрытый вопросы); субъективные представления о возрастных границах наступления старости и факторах, ее определяющих; эмоциональное отношение к конкретным признакам старения и восприятие своего отражения в зеркале.

Методика «Семантический дифференциал старости» [5] была использована для исследования эмоционально-смысловой структуры представлений о старости и временной перспективе личности. Испытуемым предлагалось оценить четыре ключевых концепта – «Я сейчас», «Я в прошлом», «Я в старости», «Я перед смертью» – по 12 биполярным шкалам, образованным прилагательными-антонимами (например, «слабая – сильная», «тревожная – спокойная», «бесплодная – продуктивная»). Это позволило получить интегральные показатели эмоционального отношения и содержательного наполнения образов «Я» в разных временных модулях.

Тест «Смыслжизненные ориентации» (СЖО) Д.А. Леонтьева² был применен для диагностики уровня осмысленности жизни. Опросник состоит из 20 утверждений и позволяет оценить пять основных шкал: «Цели в жизни» (наличие жизненных целей), «Процесс жизни» (эмоциональная насыщенность и интерес к жизни), «Результативность жизни» (удовлетворенность прожитой частью жизни), «Локус контроля-Я» (убежденность в способности контролировать свою жизнь) и «Локус контроля-Жизнь» (вера в управляемость жизни в целом). Шестым, интегральным показателем, является «Общая осмысленность жизни».

Статистическая обработка данных проводилась с использованием непараметрических критериев (Н-критерий Крускала-Уоллиса для межгрупповых сравнений, U-критерий Манна-Уитни для попарного анализа, точный критерий Фишера для сравнения частот, коэффициент ранговой корреляции Спирмена для анализа взаимосвязей) в программе Statistica 10.0. Уровень статистической значимости был принят равным $p \leq 0,05$.

Обсуждение результатов исследования

Проведенное исследование позволило выявить системные различия в психологических профилях лиц, предпочитающих разные типы антивозрастных практик. Анализ данных показывает, что выбор конкретного типа АКП не является случайным, а тесно связан с глубинными особенностями восприятия времени, осмысленности жизни и стратегий психологической адаптации к процессу старения.

При сопоставительном анализе частоты встречаемости ключевых мотивов обращения к АКП была обнаружена их универсальность для всех групп ($p > 0,05$). Наиболее значимыми для респондентов оказались цели поддержания эстетики кожи и лица и общего улучшения внешнего вида. Профилактика старения также входит в число главных мотиваторов, что указывает на превентивный и эстетически ориентированный подход к возрасту. В меньшей степени респонденты стремятся следовать модным тенденциям, что подчеркивает личностную, внутреннюю обоснованность их выбора.

Мотивы «улучшение внешнего вида» (87,5% в подгруппе «Толика», 67,9% в подгруппе «Малоинвазивные процедуры» и 76,9% в подгруппе «Хирургия») и «поддержание эстетики кожи и лица» (93,8%, 50,0% и 84,6% соответственно) являлись доминирующими. Однако за этой внешней схожестью скрываются качественные различия в понимании сути старения. Так, подгруппа «Малоинвазивные процедуры» достоверно чаще связывала наступление старости с ухудшением самочувствия (78,6% против 56,3% в подгруппе «Толика»; $p < 0,05$) и снижением работоспособности (60,7% против 31,3%; $p < 0,05$), что отражает повышенную чувствительность к физиологическим аспектам старения и согласуется с концепцией «воплощения стереотипа» Б. Ливи [13], согласно которой интернализованные негативные возрастные стереотипы влияют на самочувствие и восприятие собственного старения. В свою очередь, подгруппа «Хирургия» продемонстрировала гипертрофированную озабоченность именно внешним признаком — потерей упругости кожи (92,3% против 37,5% в подгруппе «Толика» и 50,0% в подгруппе «Малоинвазивные процедуры»; $p < 0,01$), что можно рассматривать как редукцию сложного феномена старения до его видимого компонента и компенсаторную попытку контроля через радикальное внешнее изменение.

Среди факторов, определяющих наступление старости, респонденты наиболее часто выделяют ухудшение самочувствия и ограничение мобильности, что

² Леонтьев Д.А. Тест смысложизненных ориентаций (СЖО). 2-е изд. М.: Смысл, 2006. 18 с.

акцентирует внимание на физическом аспекте старения. При этом снижение работоспособности и изменение внешнего вида также играют существенную роль.

Обнаружены значимые различия между подгруппами «Топика» и «Малоинвазивные процедуры». Представители подгруппы «Малоинвазивные процедуры» достоверно чаще связывали наступление старости с ухудшением самочувствия ($p < 0,05$) и снижением работоспособности ($p < 0,05$) по сравнению с подгруппой «Топика». Подгруппа «Малоинвазивные процедуры» также значимо чаще отмечала ограничение мобильности как критерий старости ($p < 0,05$) относительно подгруппы «Топика».

Наиболее выраженные межгрупповые различия выявлены в структуре беспокоящих признаков старения. Подгруппа «Хирургия» продемонстрировала статистически значимо более высокую озабоченность потерей упругости кожи по сравнению как с подгруппой «Топика» ($p < 0,01$), так и с подгруппой «Малоинвазивные процедуры» ($p < 0,05$). При этом подгруппа «Малоинвазивные процедуры» достоверно чаще выражала беспокойство по поводу изменения овала лица относительно подгруппы «Топика» ($p < 0,05$).

Что касается возрастных рамок, абсолютное большинство респондентов склоняются к психологическому, а не хронологическому определению старости, выбирая вариант «состояние души». Конкретный возраст наиболее часто указывали респонденты 50-60 лет.

Таким образом, проведенный анализ свидетельствует, что интенсивность и инвазивность практикуемой антивозрастной коррекции связаны с особенностями восприятия признаков старения. Подгруппа, прибегающая к хирургическим методам, демонстрирует более выраженную и специфическую озабоченность внешними проявлениями старения (потеря упругости кожи), в то время как подгруппа, использующая малоинвазивные процедуры, в большей степени акцентирует внимание на физиологических аспектах старения (снижение работоспособности, ухудшение самочувствия).

Эмоциональное отношение к происходящим возрастным изменениям раскрывается через описание беспокоящих признаков старения и самовосприятия. Наибольшую тревогу у респондентов вызывают внутренние, витальные признаки, такие как снижение энергии, а также внешние и функциональные — изменение фигуры, ухудшение памяти и потеря упругости кожи. Это свидетельствует о комплексном характере переживаний, затрагивающем как физическое самочувствие, так и внешний облик. Восприятие своего отражения в зеркале распределено между тремя основными позициями: чуть менее половины респондентов отмечают, что видят себя по-разному в разные дни, что может говорить о ситуативности и нестабильности образа Я. Примерно равные доли видят себя моложе своих лет или соответствующе возрасту, и лишь небольшая группа — старше. Это указывает на тенденцию к позитивному или, как минимум, адекватному восприятию своего визуального возраста.

Наиболее значимые различия были обнаружены в структурной организации временной перспективы. Обнаруженная с помощью анализа интеркорреляций результатов применения методики «Семантический дифференциал старости» в подгруппе «Топика» опосредованная связь между настоящим и конечностью жизни через концепцию старости ($r=0,65$ и $r=0,82$ соответственно) отражает, по-видимому, наиболее адаптивную стратегию, позволяющую постепенно интегрировать идею старения и смерти в целостную картину жизни. Напротив, полная диссоциация актуального Я от образов будущего в подгруппе «Хирургия», где единственная значимая связь наблюдалась между «Я в старости» и «Я перед смертью» ($r=0,59$), свидетельствует о работе мощных защитных механизмов отрицания. Этот феномен хорошо объясняется в рамках теории управления страхом смерти (Terror Management Theory), согласно которой радикальное изменение внешности может служить символическим отрицанием смертности

и угасания [3]. Промежуточная позиция подгруппы «Малоинвазивные процедуры», с одной стороны, демонстрирующая прямую связь «Я сейчас» — «Я перед смертью» ($r=0,43$), что говорит об экзистенциальной честности, а с другой — отрицательные корреляции этой связи с локусом контроля указывают на внутренний конфликт между осознанием конечности и переживанием потери управления над жизнью. Графическая иллюстрация описанных результатов представлена на рис. 1.

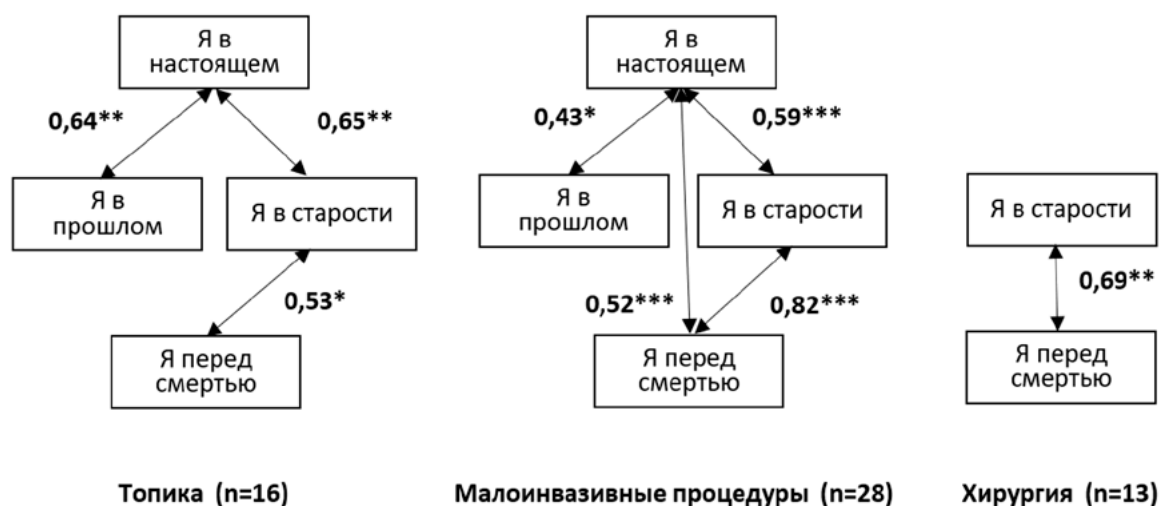

Рисунок 1. Взаимосвязи различных составляющих образа Я в подгруппах с различным опытом АКП (* - значения коэффициента корреляции Спирмена, значимые на уровне $p \leq 0,05$, ** - $p \leq 0,01$, *** - $p \leq 0,001$)

Выявленные особенности смысловых ориентаций дополняют выявленную нами картину. Статистически значимое снижение показателей по шкале «Процесс жизни» ($H=9,8$; $p=0,01$) от подгруппы «Топика» ($18,3 \pm 3,8$) к подгруппе «Хирургия» ($15,8 \pm 2,9$) означает, что для лиц, выбирающих радикальные методы коррекции, текущая жизнь в меньшей степени воспринимается как интересная и наполненная смыслом. Респонденты, предпочитающие поверхностный уход, в большей степени воспринимают сам процесс своей жизни как интересный, эмоционально насыщенный и наполненный смыслом, в то время как для подгруппы, выбирающей хирургические методы коррекции, характерна тенденция к переживанию рутинности, скуки и неудовлетворенности текущим течением жизни. Это согласуется с концепцией «экзистенциального вакуума» В. Франкла [4], когда внутренняя пустота и неудовлетворенность текущим жизненным процессом компенсируются через гипертрофированное внимание к внешности. Тенденция к снижению показателей по шкале «Локус контроля — жизнь» ($H=3,5$; $p=0,17$) также соответствует общей логике: от подгруппы «Топика» ($14,3 \pm 6,8$) к подгруппе «Хирургия» ($10,8 \pm 5,9$) нарастает ощущение, что жизнь контролируется внешними обстоятельствами, а не собственными усилиями. Лица, прибегающие к радикальным методам коррекции внешности, в меньшей степени верят в свою способность контролировать события собственной жизни, воспринимая ее как зависящую от внешних обстоятельств. Аналогичная тенденция ($p=0,12$) наблюдается и в динамике общего показателя осмысленности жизни, который последовательно снижается от подгруппы «Топика» ($85,5 \pm 16,8$) к подгруппе «Хирургия» ($75,5 \pm 17,3$). Это указывает на то, что интенсивность вовлеченности в антивозрастные практики может быть связана с общей степенью экзистенциальной наполненности и осмысленности жизни.

Корреляционный анализ выявил специфические паттерны взаимосвязей между смысловыми ориентациями и характеристиками образа «Я» в исследуемых группах (рис. 2).

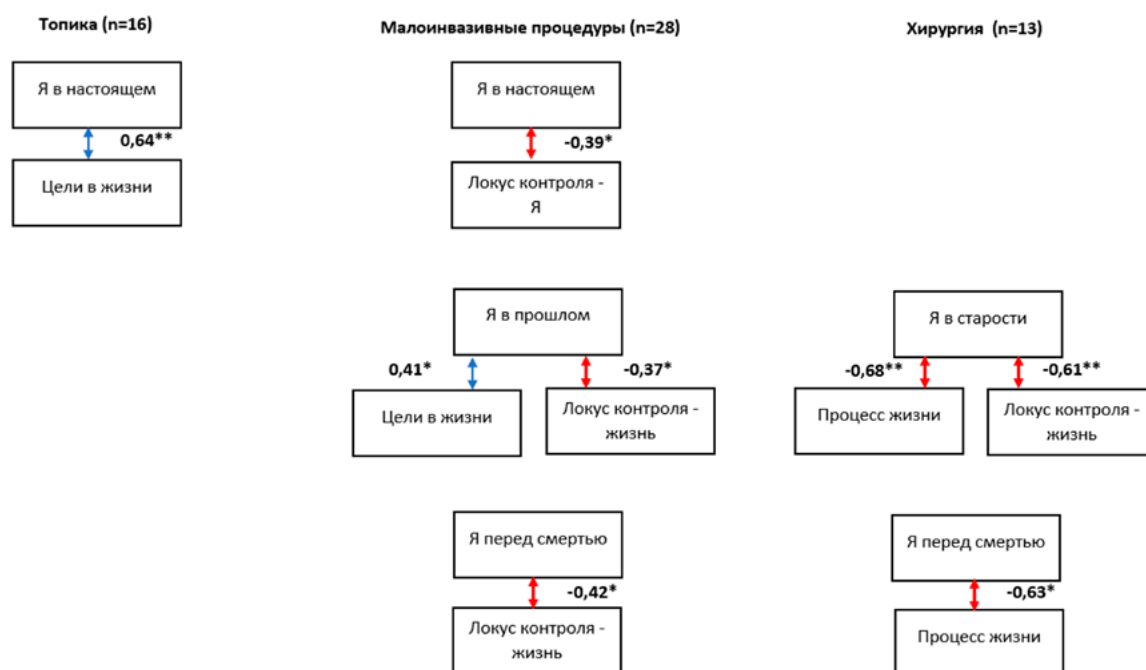

Рисунок 2. Взаимосвязи смысловых ориентаций и характеристик образа «Я» в контексте представлений о старости в группах с разным опытом антивозрастных косметических процедур (* – значения коэффициента корреляции Спирмена, значимые на уровне $p \leq 0,05$, ** – $p \leq 0,01$)

Как видно из рисунка, в подгруппе «Топика» обнаружена единственная значимая положительная корреляция между «Я в настоящем» и шкалой «Цели в жизни» ($r=0,64$; $p \leq 0,01$), что свидетельствует о согласованности актуального самовосприятия с наличием четких жизненных целей. Отсутствие значимых корреляций с другими временными модусами Я может указывать на относительную автономность настоящего от прошлого и будущего в смысловом пространстве личности.

В подгруппе «Малоинвазивные процедуры» выявлены противоречивые взаимосвязи: отрицательная корреляция между «Я в настоящем» и «Локусом контроля - Я» ($r=-0,39$; $p \leq 0,05$) указывает на внутренний конфликт, в то время как положительная корреляция между «Я в прошлом» и «Локусом контроля - жизнь» ($r=0,41$; $p \leq 0,05$) подчеркивает значимость прошлого опыта для формирования отношения к управлению жизнью. Особого внимания заслуживает отрицательная корреляция между «Я перед смертью» и «Локусом контроля - жизнь» ($r=-0,42$; $p \leq 0,05$), отражающая связь между представлениями о конечности жизни и ощущением потери контроля.

Обнаруженные сильные отрицательные корреляции в подгруппе «Хирургия» между образами «Я в старости» и «Процессом жизни» ($r=-0,68$; $p \leq 0,01$), а также между «Я перед смертью» и «Процессом жизни» ($r=-0,63$; $p \leq 0,05$) указывают на глубокий экзистенциальный кризис, при котором мысли о старении фактически блокируют возможность переживания смысла в настоящем. Это свидетельствует о глубоком конфликте между восприятием будущих возрастных этапов и осмысленностью текущей жизни. Примечательно отсутствие значимых корреляций с актуальным образом Я, что может указывать на диссоциацию между настоящим и будущим самовосприятием. Этот паттерн соответствует кризису

«отчаяния» на стадии зрелости по Э. Эриксону [8], когда неудача в достижении Эго-интеграции приводит к неприятию жизненного пути в целом и тотальному отрицанию его завершающих этапов.

Таким образом, полученные результаты позволяют не просто констатировать различия между подгруппами, но и вписать их в широкий теоретический контекст современных геронтологических и экзистенциальных исследований. Выбор типа АКП выступает маркером не только эстетических предпочтений, но и глубинных психологических процессов, связанных с адаптацией к старению, управлением экзистенциальной тревогой и поиском смысла на разных этапах зрелости.

Заключение

Проведенное исследование позволило верифицировать и уточнить выдвинутую гипотезу, подтвердив существование качественно различных психологических профилей, связанных с выбором типа антивозрастных косметологических процедур. Полученные результаты раскрывают нелинейный характер этих различий в контексте переживания возрастных изменений на этапе зрелости. Наиболее адаптивный профиль характерен для подгруппы «Топика», для которой свойственны сбалансированная временная перспектива, ориентация на внутренние мотивы ухода за внешностью и относительно высокая осмысленность текущей жизни, что соответствует успешному решению возрастных задач зрелости в понимании Э. Эриксона и может быть рассмотрено в контексте концепции благополучного старения [7].

Подгруппа «Малоинвазивные процедуры» занимает промежуточное, но внутренне конфликтное положение, демонстрируя, с одной стороны, высокую экзистенциальную честность в восприятии конечности жизни, а с другой — выраженную сенситивность к физическим аспектам старения и снижение чувства контроля над собственной жизнью, что может отражать трудности в интеграции опыта на данном возрастном этапе.

Наиболее проблемный психологический профиль выявлен в подгруппе «Хирургия», для которой характерны глубокая диссоциация между актуальным Я и образами будущего, низкая осмысленность жизни и доминирование стратегии тотального отрицания старения через радикальное изменение внешности, что соответствует кризису развития на этапе зрелости.

К ограничениям настоящего исследования относятся кросс-секционный дизайн, не позволяющий устанавливать причинно-следственные связи, а также относительно небольшой объем и специфичность выборки. Перспективными направлениями для дальнейших исследований могли бы стать лонгитюдное изучение динамики психологических характеристик в зависимости от изменения практик АКП в контексте возрастного развития, а также исследование взаимосвязи выявленных профилей с успешностью решения возрастных задач на разных этапах зрелости.

Несмотря на указанные ограничения, полученные результаты имеют несомненную теоретическую и практическую значимость для психологии развития и возрастной психологии. Они раскрывают новые аспекты взаимосвязи между телесным опытом, временной перспективой и смысловыми ориентациями в период зрелости, а также предоставляют основания для разработки программ психологического сопровождения лиц, переживающих трудности принятия возрастных изменений. Выявленные закономерности могут быть использованы для развития концепции успешного старения и понимания психологических механизмов адаптации к возрастным изменениям на разных этапах зрелого возраста.

Список литературы:

1. Баженова С.А., Данилова Л.Г., Четошникова Л.А. Маркетинг антивозрастных медицинских услуг в эстетической медицине // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2019. Т. 27. № 4. С. 424-428. DOI: 10.32687/0869-866X-2019-27-4-424-428 EDN: QWCEQO
2. Балашова Е.Ю., Микеладзе Л.И. Депрессии позднего возраста: клинико-психологические аспекты исследований // Новые психологические исследования. 2022. № 4. С. 140-171. DOI: 10.51217/npsyresearch_2022_02_04_07 EDN: MDMZZM
3. Гаврилова Т.А. Тревога смерти в теории управления ужасом Дж. Гринберга, Т. Пищинского и Ш. Соломона // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 1. С. 45-54. EDN: NSIPIH
4. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. 2-е изд., испр. М.: Смысл, 2003. 487 с.
5. Новиков А.Л., Новикова И.А. Метод семантического дифференциала: теоретические основы и практика применения в лингвистических и психологических исследованиях // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2011. № 3. С. 63-71. EDN: PXZTSP
6. Петраш М.Д., Стрижицкая О.Ю., Крупина К.М. Адаптация русскоязычной версии опросника «Восприятие старения» Aging Perceptions Questionnaire (APQ) // Вестник СПбГУ. Серия 16. Психология. Педагогика. 2024. № 2. С. 223-240 EDN: RJLRKD
7. Сергиенко Е.А., Харламенкова Н.Е. Психологические факторы благополучного старения // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология и педагогика. 2018. Т. 8. № 3. С. 243-257. DOI: 10.21638/11701/spbu16.2018.303 EDN: XZICCD
8. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис / пер. с англ.; общ. ред. и предисл. А. В. Толстых. 2-е изд. М.: Флинта: МПСИ: Прогресс, 2006. 352 с.
9. Buja A., Akhtar S. The association between social capital and quality of life in old adults: a systematic review and meta-analysis // Frontiers in Public Health. 2025. Vol. 13. P. 1-10. DOI: 10.3389/fpubh.2025.1668696 EDN: PWQISU
10. Gill R. Gender and the Media. Cambridge: Polity Press, 2007. 296 p.
11. Contemporary Perspectives on Ageism. International Perspectives on Aging. / Ed. L. Ayalon, Cl. Tesch-Römer. Cham: Springer, 2018. Vol. 19. 564 p. DOI: 10.1007/978-3-319-73820-8
12. Kotter-Grühn D. Changing Negative Views of Aging: Implications for Intervention and Translational Research // Annual Review of Gerontology and Geriatrics. 2015. Vol. 35. N 1. P. 167-186. DOI: 10.1891/0198-8794.35.167
13. Levy B.R. Stereotype Embodiment: A Psychosocial Approach to Aging // Current Directions in Psychological Science. 2009. Vol. 18. N 6. P. 332-336. DOI: 10.1111/j.1467-8721.2009.01662.x.

Perceptions of old age and life-meaning orientation in individuals undergoing various anti-aging cosmetic procedures

Starostina Elena Evgenievna

Student at the Institute of Psychological and Social Work (direction «Clinical Psychology») of the Sechenov First Moscow State Medical University, Moscow, Russian Federation

e-mail: elstars71@gmail.com

ORCID ID: 0009-0009-1653-3972

Shalina Olga Sergeevna

PhD, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor of the Department of Pedagogy and Medical Psychology at the Institute of Psychological and Social Work of the Sechenov First Moscow State Medical University, Moscow, Russian Federation

e-mail: shalinaya@yandex.ru

RSCI SPIN code: 6131-7790

ORCID ID: 0000-0002-6800-5743

Kotelnikova Anastasia Vladimirovna

Doctor of Psychology, PhD, Associate Professor, Professor of the Department of Pedagogy and Medical Psychology at the Institute of Psychological and Social Work of the Sechenov First Moscow State Medical University, Moscow, Russian Federation

e-mail: kotelnikova_a_v@staff.sechenov.ru

RSCI SPIN code: 7493-6708

ORCID ID: 0000-0002-9605-557X

Grishina Ekaterina Gennadievna

PhD, Candidate of Psychological Sciences, medical psychologist at the V.G. Mikhailov Social rehabilitation Center of the Department of Labor and Social Protection of the Population of Moscow, Moscow, Russian Federation

e-mail: egrishina2009@yandex.ru

RSCI SPIN code: 2281-4519

ORCID ID: 0009-0001-7312-0703

Abstract

The article presents the results of an empirical study on the perceptions of old age and life-meaning orientations among middle-aged individuals using various types of anti-aging cosmetic procedures. The research methods included a researcher-developed questionnaire designed to collect socio-biographical data and clarify subjective attitudes toward age-related changes, the «Semantic Differential of Old Age» to assess the semantics of attitudes toward various life stages, and the «Life-Meaning Orientations» test. Based on a sample of 57 individuals aged 25–65, it is shown that the choice of procedure type (topical, minimally invasive, or surgical) is associated with distinct patterns of psychological functioning in the context of experiencing age-related changes. It has been established that an increase in the invasiveness of procedures correlates with a more negative perception of old age, a decline in the perceived meaning of the current life process, and a dissociation of the time perspective. The study expands current understanding of the psychological characteristics of individuals undergoing various anti-aging procedures. The results are interpreted through the lens of adult psychological development and contribute to the field of developmental psychology. The findings can be used to develop psychological support programs for patients seeking services at plastic surgery and aesthetic cosmetology clinics.

Keywords

• perceptions of old age • meaning-in-life orientations • anti-aging cosmetic procedures
• time perspective • psychological adaptation • ageism •

References:

1. Bazhenova S.A., Danilova L.G., Chetoshnikova L.A. Marketing of anti-aging medical services in aesthetic medicine // Problems of Social Hygiene, Health Care and History of Medicine. 2019. N 27(4). P. 424-428.
2. Balashova E.Yu., Mikheladze L.I. Late-life depressions: clinical and psychological aspects of research // New Psychological Research. 2022. N 4. P. 140-171.
3. Gavrilova T. A. Death Anxiety in Horror Management Theory J. Greenberg, T. Piszczynski and Sh. Solomon // Psychological Journal. 2011. V. 32. N 1. P. 45-54.
4. Leontiev D.A. The Life-Sense Orientations Test (LSO). Moscow: Smysl, 2006. 18 p.
5. Novikov A.L., Novikova I.A. The method of semantic differential: theoretical foundations and practice of application in linguistic and psychological research // RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics. 2011. N 3. P. 63-71.
6. Petrah M.D., Strizhitskaya O.Yu., Krupina K.M. Adaptation of the Russian version of the Aging Perceptions Questionnaire (APQ) // Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology and Education. 2024. N 2. P. 223-240.
7. Sergienko E.A., Kharlamenkova N.E. Psychological factors of successful aging // Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology and Education. 2018. Vol. 8. N 3. P. 243-257.
8. Erikson E. Identity: Youth and Crisis. Moscow: Flinta: MPSI: Progress, 2006. 352 p.
9. Buja A., Akhtar S. The association between social capital and quality of life in old adults: a systematic review and meta-analysis // Frontiers in Public Health. 2025. Vol. 13. P. 1-10. DOI: 10.3389/fpubh.2025.1668696 EDN: PWQISU
10. Gill R. Gender and the Media. Cambridge: Polity Press, 2007. 296 p.
11. Contemporary Perspectives on Ageism. International Perspectives on Aging. / Ed. L. Ayalon, Cl. Tesch-Römer. Cham: Springer, 2018. Vol. 19. 564 p. DOI: 10.1007/978-3-319-73820-8
12. Kotter-Grühn D. Changing Negative Views of Aging: Implications for Intervention and Translational Research // Annual Review of Gerontology and Geriatrics. 2015. Vol. 35. N 1. P. 167-186. DOI: 10.1891/0198-8794.35.167
13. Levy B.R. Stereotype Embodiment: A Psychosocial Approach to Aging // Current Directions in Psychological Science. 2009. Vol. 18. N 6. P. 332-336. DOI: 10.1111/j.1467-8721.2009.01662.x.

Поступила в редакцию: 25.12.2025

Принята в печать: 16.03.2026